

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.85

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3\(3\)-34-55](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3(3)-34-55)

Петр I как духовный реформатор России

Ольга Александровна Крашенинникова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

Аннотация. Статья ставит целью реконструировать систему религиозных воззрений Петра I, и в первую очередь, его понимание христианского учения о спасении и оправдании человека. От решения этого богословского вопроса зависело отношение и ко многим другим сферам церковной жизни. Задумав осуществить коренную реформу русской Церкви, Петр предпринимал меры, направленные на духовную трансформацию русского общества, перестройку народного сознания, его «новую катехизацию». Именно поэтому важное значение он придавал задаче создания катехизиса нового типа, предназначенного для духовного просвещения широких слоев населения. В основе реформы Петра лежало стремление очистить народную веру от «суеверий и предрассудков», к числу которых, по его мнению, относились и многие каноны, и догматы православной Церкви. Анализ высказываний Петра (а также его идеолога Феофана Прокоповича) о христианстве и Церкви позволяет сделать вывод, что религиозным убеждениям Петра I были присущи черты, характерные для протестантской системы ценностей, которую он настойчиво стремился привить своим подданным.

Ключевые слова: Петр I, реформа Церкви, богословские представления Петра I, катехизис, суеверие и ханжество

Для цитирования: Крашенинникова О.А. Петр I как духовный реформатор России // Россия: общество, политика, история. 2022. №3(3). С. 34-55.

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3\(3\)-34-55](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3(3)-34-55)

Peter I as a Spiritual Reformer of Russia

Olga A. Krashennnikova

A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

Abstract. The article aims to reconstruct the system of religious views of Peter I, and first of all, his understanding of the Christian doctrine of salvation and justification of man. The attitude to many other spheres of church life, in turn, depended on the solution of this theological issue. Having conceived to carry out a radical reform of Russian Church, Peter took measures aimed at the spiritual transformation of the Russian people, the restructuring of the national consciousness, their «new catechization». That is why he attached great importance to the task of creating a new type of catechism intended for spiritual enlightenment of the Russian people. Peter's reform was based on the desire to purify the popular faith from «superstitions and prejudices,» which, in his opinion, included many canons and dogmas of the Orthodox Church. The analysis of Peter's statements (as well as his ideologue Feofan Prokopovich) about Christianity and the Church allows us to conclude that Peter I's religious ideas had features characteristic of the Protestant system of values, which he persistently sought to instill in his subjects.

Keywords: Peter I, the reform of the Church, the theological ideas of Peter I, catechism, superstition and hypocrisy

For citation: Olga A. Krashennnikova Peter I as a Spiritual Reformer of Russia // Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 3(3). pp. 34-55.

Введение

Роль Петра I в истории реформирования русской Церкви, упразднении патриаршества и учреждении Духовной коллегии (Синода), а также экономические составляющие этой реформы были достаточно подробно исследованы в научной литературе, в курсах истории Русской Церкви, наиболее полно – в известном исследовании П.В. Верховского (Верховской 1916)¹. Историками также неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать и отношение Петра I к религии в целом, выяснить степень личной религиозности царя, причем мнения и оценки колебались от утверждений об атеизме или индифферентности Петра в вопросах веры, вплоть до обвинений его в прямых кощунствах в адрес Церкви («всепьянейшие соборы»). В своем недавнем докладе на конференции «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России» (17-19 мая 2022 г., ИРИ РАН, Москва) современный американский исследователь П. Бушкович вновь поставил вопрос о личной религиозности Петра (Бушкович 2022), основываясь на фактах его повседневной религиозной практики – хронике его посещения церковных служб в течение 1714 г. – и пришел к выводу, что личная жизнь царя сочетала элементы традиционного благочестия с нововведениями (Бушкович 2022, 140)². В то же время Бушкович признавал, что «благочестивая практика» посещения Петром церковных служб не давала представления о личных убеждениях царя-реформатора, и констатировал, что «внутренние убеждения Петра, наверное, навсегда останутся нераскрытыми» (Бушкович 2022, 140), ссылаясь на скудость исторических источников, малочисленность сохранившихся писем, дневников, воспоминаний и других документальных свидетельств петровской эпохи.

Последнее утверждение исследователя представляется нам достаточно спорным. На самом деле, сохранилось немало исторических источников и свидетельств (прямых или косвенных), по которым

1 См. также: Козлов 1968, Булыгин 1972, Лавров 2000, Крашенинникова 2015, 2016.

2 Характер этих нововведений был более подробно раскрыт О.Г. Агеевой: как отметила исследовательница, Петр отказался от участия в царских богомольных выходах на церковные праздники, посещал богослужения как частное лицо, практикуя пение на клиросе вместе с певчими. При дворе Петра I был существенно сокращен обязательный круг праздников, прекращены царские хождения на богомолье в монастыри и на поклонение св. мощам и т. д. – см. Агеева 2022, 21-22.

возможно по крупицам воссоздать характер религиозных воззрений царя. Мало того, можно утверждать, что эти взгляды были последовательны, представляли определенную систему и транслировались им для дальнейшего распространения в идеологическом пространстве России.

Результаты исследования

В 1712 г. Феофан Прокопович, в то время ректор Киевской академии, написал небольшое сочинение, озаглавленное «Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобьносимом законном иге пространно предлагается»³ «Книжица» была посвящена «сенатору, благородному господину, графу Иоанну Алексеевичу Мусину-Пушкину, Моему Государю и Патрону». Граф И. А. Мусин-Пушкин (ок. 1660-1730) с 1701 г. возглавлял Монастырский приказ и заведовал делами русской Церкви, а с 1702 г. руководил еще и Печатным двором, считался покровителем учений и наук. Как следовало из текста посвящения, Мусин-Пушкин был «виной и поощрением к сему делу», «виновником» к написанию книги. Феофан отмечал, что толчком к написанию книги послужила некая богословская дискуссия, имевшая место в Москве. Феофан писал, что был извещен неким «любомудрым другом», что сам Петр I спрашивал у Мусина-Пушкина разъяснения вопроса о «неудобьносимом законном иге», на что его собеседник отвечал ему, что «тяжесть толика в законе была того ради, яко не давал закон места покаянию» (Феофан Прокопович 1774, 85). Прокопович выражал полную солидарность с мнением Мусина-Пушкина: «Тож де бо есть и мое сие разсуждение....Сие мое письмецо <...> твоей же мысли образ и подобие». Сочинение Феофана должно было служить развернутым разъяснением богословского мнения Мусина-Пушкина и самого Феофана. Для нас в данном случае очень важен тот факт, что указанное обсуждение догмата о спасении и оправдании человека было санкционировано самой верховной властью. Инициатором ее выступил, по-видимому, сам Петр⁴.

3 Сочинение Феофана при его жизни так и не было напечатано. Опубликовано оно было лишь спустя несколько десятилетий Николаем Новиковым сначала в IV части «Слов и речей поучительных, похвальных и поздравительных» Феофана Прокоповича (Феофан Прокопович 1774), а затем отдельным изданием (Феофан Прокопович 1784).

4 Современники Петра отмечали интерес царя к богословским дискуссиям и диспутам о вере, в которые он с охотой вступал, разрешая сомнения собеседников и побуждая их активнее высказываться.

Суть своей позиции в этом богословском споре Феофан кратко обозначил в том же посвящении: «Закон, требуя самага всесовершеннаго безгрешия, не оставляет покаянию места: понеже покаяние грехи исповедует, и не от закона, но от милости ищет оправдания» (Феофан Прокопович 1774, 85). Иными словами, Феофан утверждал, что человек не способен оправдаться исполнением дел христианского Закона, так как не способен достичь совершенного безгрешия, но оправдывается лишь покаянием и верой в милость Божию, прощающую грехи. Показательно, что в данной богословской дискуссии мнения царя, Мусина-Пушкина и Феофана полностью совпали. Комплекс представлений, подробно изложенный Феофаном в «Книжице», являлся точным и последовательным выражением лютеранского учения о спасении, в подтверждение чего приведем хотя бы одно из высказываний М. Лютера из его программного сочинения «О свободе христианина»: «Ясно, что как душа нуждается только в Слове Божьем для своей жизни и праведности, так она оправдывается одной лишь верой и не оправдывается никакими делами <...>. В тот момент, когда в вас зарождается вера, вы познаете, что все, существующее в вас, целиком и полностью грешно, достойно порицания и проклятия <...>. Первой заботой каждого христианина должно быть откладывание в сторону всяческой уверенности в [добрых] делах и укрепление одной лишь веры, и через веру — возрастание в познании не дел, но Христа Иисуса <...>. Никакое другое дело не может сделать [человека] христианином» (Лютер 2016а, 8-9).

Год спустя с развернутой критикой книги Прокоповича выступили одновременно два ведущих богослова петровской эпохи: митрополит Рязанский Стефан Яворский и архимандрит Феофилакт Лопатинский. Православный догмат о спасении Яворский сформулировал в конце первой части «Догмата о благих делах» «Камня веры» (написан около 1713 г.), и звучал он следующим образом: «Вера благая с благими делы, и дела благая с благою верою спасают человека» (Стефан Яворский 1728, 951), вера же единая без дел «спасения вечного не соделовает» (Стефан Яворский 1728, 929).

Дискуссия о роли христианского Закона в спасении и оправдании человека затрагивала коренной, наиболее значимый вероучительный вопрос о смысле человеческой жизни и высшем ее благе. Различное решение догмата о спасении являлось одним из наиболее принципиальных вопросов межконфессионального диалога и основывалось на различных жизненных установках протестантского и русского богословия.

От его решения, в свою очередь, зависело отношение и ко многим другим сферам церковной жизни: роли чина и обряда, церковных канонов, и в целом роли Церкви в деле спасения, а также необходимости личного благочестия и духовного подвига. Так, в знаменитом «Православном исповедании веры» (Петр Могила 1696) митр. Петра Могилы вопрос о вере и добрых делах был вынесен в самое начало его Катехизиса как наиболее важный и принципиальный: «Вопрос 1. Человек христианин православный и кафолический что долженствует хранить, да наследстит жизнь вечную? Ответ: Веру правую и дела добрые, иже бо два сия имать, есть добр христианин и имать известну надежду вечного спасения. Свидетельствующу святому писанию: зрите ли, яко от дел оправдается человек, а не от веры единыя (Иаков 2, 24 и 26)» (Петр Могила 1696, 1).

Богословские представления Петра I сформировались под влиянием учения, согласно которому человек спасается и оправдывается перед Богом не своими благими деяниями, а лишь верою в милосердие Божие. Можно утверждать, что уже к 1712 г. Петр сознательно пришел к этому убеждению. По этому учению, человек признавался изначально греховным и не мог оправдаться перед Богом никакими добрыми делами и подвигами, но мог заслужить лишь прощение своих грехов Богом.

Свидетельства отрицательного отношения Петра к делам церковного благочестия находим в некоторых более поздних высказываниях царя. Французский консул Лави в своем донесении к аббату Дюбуа от 8 декабря 1719 пересказал содержание любопытной речи Петра к духовенству, произнесенной им на трапезе в честь именин царицы Екатерины 24 ноября 1719 г.: «Во вторник, согласно обычаю, праздновали день св. Екатерины, именины Ея Величества Царицы. Царь сидел за большим столом с архиереем и многими другими высшими духовными лицами и избранными священниками и держал к ним довольно длинную речь насчет постановлений первоначальной церкви. Он сказал им, что по его убеждению, это огромное количество постов и совершаемых попами церемоний менее приятны Богу, чем сокрушенное и смиренное сердце, и увещевал их превыше всего поучать народ нравственности, потому что тогда суеверие исчезнет мало-помалу в его государстве и подданные станут Богу служить лучше, а ему вернее» (Донесения французского консула в Петербурге Лави 1884, 66-67; выделено нами. – О.К.). Петр развивал мысль о необходимости обращаться к практике первоначальной церкви с присущим ей минимумом церковных

предписаний и постановлений в отношении постов и длительных богослужений. Традиционному церковному благочестию (порождающему «суеверия») Петр противопоставляет «сокрушенное и смиренное сердце», т.е. личное покаяние как основу народной нравственности.

Еще более подробно свое представление о путях духовного переустройства современного человека и общества царь изложил 19 апреля 1724 г. В своем обращении к Священному Синоду он писал: «Святейший Синод! Понеже разговорами Я давно побуждал, а ныне письменно, дабы краткия поучения людям сделать (понеже ученых проповедников зело мало имеем), также сделать книгу, где б изъяснить, что непрременный закон Божий и что советы, и что предания отеческая, и что вещи средня, и что только для чину и обряду сделано <...>. О первых кажется Мне, чтоб просто написать, чтоб и поселянин знал, <...> в которых бы наставления, что есть прямой путь спасения, истолкован был, а особливо веру, надежду и любовь (ибо о первой и последней зело мало знают и не прямо что знают, а о средней и не слышали), понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, в нихже строение церквей, свечи и ладон. О страдании Христовом толкуют только за один первородный грех, а спасение делами своими получают, как выше писано. О втором же, чтоб книгу сочинить, Мне кажется, не лучше ль оную катихизисом начать, и к тому и прочия вещи последовательно, что в церкви обретается, внести с пространым толком, також приложить: когда и от кого и чего ради в церковь что внесено» (Полное собрание законов, VII, № 4493, 278; выделено нами. — О.К.). Это очень важное, программное заявление Петра, где он в духе все тех же представлений решает вопрос о спасении и оправдании человека. На одной чаше весов «внешние подвиги» и «мнимые добродетели»: «церковное пение, пост, поклоны, строение церквей, жертвы на свечи и ладан...», т. е. церковные дела и обряды, которые признаются бесполезными в деле спасения, на другой — истинные христианские добродетели веры, надежды и любви, которые только одни и необходимы для оправдания человека. Петр призывал Синод исправлять верования невежественных «поселян», главное заблуждение которых заключалось в надежде на благия дела («спасение делами своими получают»). Кроме того, Петр полагал необходимым отделить непрременный закон Божий (заповеди) от необязательных для христианина исполнения евангельских «советов», а также от церковных преданий, обрядов и чинов как вещах второстепенных и вторичных. Источником искаженных христианских представлений о вере, которые следовало исправлять, являлся для царя простой народ («поселяне»).

Необходимость борьбы с народным невежеством в области веры всегда волновала Петра. Он был убежден, что необходима коренная перестройка народного сознания, его «новая катехизация». Отсюда его постоянная забота об обучении «отроков», просвещении народа, о создании катехизисов нового типа: простых, понятных, кратких - и широкой их популяризации.

Упоминание Петром христианских добродетелей «веры, надежды и любви» в связи с проблемой катехизации народа в его Обращении в Синод неслучайно: это скрытая отсылка к «Православному исповеданию веры» - знаменитому Катехизису митр. Киевского Петра Могилы, который вышел в переводе с греческого на русский язык в Москве в 1696 г. (Петр Могила 1696)⁵. В заглавии сочинения отмечалось, что издание осуществлено «повелением благочестивейшаго великаго Государя нашего царя и великаго Князя Петра Алексиевича» (л. 1). Текст этого катехизиса делился на три большие части, соответствовавшие трем главным христианским добродетелям: вере, надежде и любви. В первой части (о вере) подробно толковались 12 членов Символа веры; во второй (надежда) - молитва «Отче наш» и девять евангельских блаженств, в третьей (любовь) - десять библейских заповедей, данных Моисею (Декалог) и некоторые другие церковные заповеди⁶. Говоря, что о «надежде» народ и «не слыхал», Петр имел, вероятно, в виду именно девять евангельских блаженств, которые нуждались, по его мнению, в особо подробном истолковании.

Еще в 1703 г. Петр поручил митр. Стефану Яворскому⁷ составить букварь с кратким катехизисом для обучения детей основам грамоты и православной веры. Вышло два издания этого букваря: в 1704 (Букварь языка славенска 1704)⁸ и 1708 гг. Букварь был составлен Яворским

5 Подробнее о «Православном исповедании веры» Петра Могилы см.: Корзо 2007, 355-392.

6 Подобной же трехчастной композицией (вера-надежда-любовь) отличался Катехизис Лаврентия Зизания, вышедший ранее в Москве в 1627 г. - см.: Протопоп Лаврентий Зизаний 2021.

7 Автор анонимного пасквиля «Рассуждение о книге Камень веры» свидетельствовал, что митрополит Стефан «малыя книжицы со истолкованием токмо десяти заповедей издал» - см.: Очерки истории русской публицистики XVIII в. (2017, 312.) Вероятно, речь шла о издании: «Заповеди Божия и церковныя и иная некая виновная спасению словеса» (1702). Эта краткая книжка, составленная митр. Стефаном, почти без изменений вошла в состав более полного Букваря 1704 г., автором которого он также являлся.

8 Митр. Стефан позаботился о широком распространении своего Букваря: «1705 года ... по указу государя Петра Алексеевича Стефан митрополит приказал во всю свою епархию, также во всю область патриаршу на Москве и в города и в уезды всем священником и диаконом раздать присланные из Приказу печатные нововыходные буквари, чтоб им по тем затвердить заповеди Господни и таинства церковныя, с толкованием изустно, также и детей своих по оным прежде всего учить» (Иероним (Алякринский) 1889, 117).

с опорой на Катехизис Петра Могилы. В нем, вслед за грамматической частью (азбукой и слогами), излагался Символ веры (л. 19-20 об.), а затем помещалась «Беседа о православной вере краткими вопросы и ответы, удобнейшаго ради познания детям христианским», в которой в вопросно-ответной форме ученику предлагался ряд важнейших положений и догматов православной веры: «Кто еси ты? Яковым убо образом еси ты сын Божий? Что есть крещение? Что есть причастие? Что есть православная вера? Что есть Бог? Како может быти Бог един в Троице?» и т. д. (л. 29 об. - 44 об.). В этой части Катехизиса митр. Стефан в кратких ответах подробнейшим образом охарактеризовал все важнейшие богословские аспекты догмата Св. Троицы. После этого излагались 10 ветхозаветных заповедей (Декалог) и «Десять заповедей церковных и совети тоя» (т.е. евангельские советы, необходимые прежде всего монашескому чину: самовольная нищета, всегдашняя чистота, послушание во всякой вещи). Далее следовало перечисление семи церковных таинств, семи даров Св. Духа, плодов Св. Духа, «Семи дел милостей телесная» («Алчущих питати, жаждущих поити» и т.д.) и «Семи милостей духовная» («Грешащих от греха отводити, не умеющих учить, печальных утешати» и т. д.), классификация различных грехов, а затем краткое перечисление девяти евангельских блаженств: «Вольная нищета, Плач за домовная прегрешения, Кротость, Пожелание правды, Милость, Чистое сердце, Мир, Терпение». Все указанные рубрики последней части Букваря опирались на соответствующие разделы Катехизиса Петра Могилы. «Букварь» митр. Стефана Яворского отличался богословской глубиной и был нацелен на раскрытие основных догматов православной веры, и в первую очередь, догмата о Св. Троице. Однако он не мог удовлетворить Петра I. Так, среди прочих заповедей, перечисляемых в Букваре, были «Десять заповедей церковных»⁹, многие положения которых никак не могли понравиться царю, в частности: «Слушати на кийждо день святую литургию», «Поститися четыре посты всего лета и среду и пятницу», «Грехи часто исповедывать», «Чтити сущия церковная чина клирики и монахи с подобающим благоговением», воздерживаться от «нелепых позорищ и игрищ», «языческих и варварских обычаев» и, в особенности, «Миряном церковных имений и стяжаний не дерзати похищати и отторгати». Большинство этих предписаний царь считал «ханжескими» - ср., например,

9 Букварь языка славенска (1704, 48 об.- 55 об.). Заимствованы из Катехизиса Петра Могилы (Петр Могила 1696, 69-74).

его высказывание о церковных службах: «Ханжи толкуют разнo: <...> иные: надобно по вся дни всю службу церковную слушать, или по две или по три обедни на день; иные, когда кому в путь ехать, наперед голоса в два или три и более выговаривают церковную службу наперед, иные многие поклоны и правила, оставя врученное им дело и домоправление, делают, полагая в том спасение» (Чистович 1868, 128). Царя могло не удовлетворить в Букваре и сверхкраткое перечисление евангельских блаженств без их развернутого толкования. Поэтому через какое-то время возникла необходимость составления нового Катехизиса для детей, и его автором на этот раз выступил Феофан Прокопович.

В 1720 г. вышло первое издание Катехизиса Феофана «Первое учение отроком», которое до нас не дошло. Сохранилось лишь второе издание букваря 1721 г. (Первое учение отроком 1721). В «Предисловии к благочестивым родителем, воспитателем, приставником...» отмечалась необходимость составления нового катехизиса при уже имеющихся изданных: хотя в России и были напечатаны вероучительные «книжицы» с толкованием десятословия, но «понеже славенским высоким диалектом, а не просторечием писаны, да и не учено книжицам тым отроков, того ради лишались доселе отроцы подобающего себе воспитания» (Первое учение отроком 1721, 5). Увидев этот недостаток в своем народе, - говорилось в предисловии, - «Царь и Государь наш милостивейший Петр Первый, и яко отец отечества, поболев сердцем о таковом нещастии подданных своих, начал прилежно разсуждать, как бы уставить в России действительное и не обходимое правило отроческого воспитания. И вдохнул ему Бог, по его желанию, таковой премудрый совет, повелеть сочинити книжицу с ясным толком закона Божия, и символа веры, и молитвы Господней, и девяти блаженств: напечатать оную с букварем, да бы отроцы, читать учащиеся, по буквах и слогах, во утверждение чтения своего, не псалмов и молитв, но сего толкования училися. А по сем уже, в вере и законе Божии наставлени, могли бы с ползою учить псалмы и молитвы» (там же, 5-5об.). Таким образом, в Предисловии декларировались новые принципы катехизации детей: отказ от «высокого славенского диалекта» (языка Церкви и богослужения), отказ от традиционного заучивания псалмов и молитв, предваряющего обучение, акцент на рациональном усвоении закона Божия и толковании основ веры учениками.

«Первое учение отроком» Феофана Прокоповича представляло собой катехизис совершенно нового типа. Сама структура его являла собой

полный разрыв с предшествующей катехетической традицией. Изложение десяти ветхозаветных заповедей Моисея, ранее помещавшихся в последние разделы Катехизисов и не толковавшихся подробно, у Прокоповича выдвинулись на первый план и заняли основную часть всего объема букваря (31 л.). Затем помещалось краткое толкование молитвы Отче наш (3 л.), текст молитвы Богородице Дево, Символ веры с кратким толкованием (5 л.) и такое же краткое толкование евангельских блаженств (12 л.). Подобное строение Катехизиса Прокоповича повторяло структуру «Малого Катехизиса» (1529) М. Лютера: 1. Десять Заповедей Божьих. 2. Апостольский Символ веры. 3. Молитва Господня (Отче наш). 34. Таинство Святого Крещения. 6. Власть Ключей и исповедь. 7. Таинство Святого Причастия (Лютер 2016). Как указала М.А. Корзо, такую последовательность частей катехизиса М. Лютер предложил впервые в работе «Немецкая месса» (1526) и затем применил в «Малом катехизисе», после чего эта модель стала «своеобразной визитной карточкой» лютеранской традиции (Корзо 2014, 103). Смысл подобного построения Катехизиса состоял в том, что в деле спасения человека, по мнению Лютера, важнее всего было начать с усвоения именно десятословия, чтобы привести человека к сознанию своей греховности и немощи в исполнении заповедей. Убедившись в своем бессилии исполнить закон, человек должен был обратиться к вере во Христа (Символ веры) и к молитве. Отче наш как к единственному лекарству, способному избавить его от греха (Корзо 2007, 108).

«Первое учение отроком» не только усвоило структуру «Малого катехизиса» Лютера, но и продемонстрировало приверженность к учению, лежавшему в его основе. Действительно, проблема «греховности» человека была выдвинута в «Первом учении» на первый план – это гармонировало с протестантским тезисом о фатальной греховности человеческой природы, принципиальной невозможности для человека достичь безгрешия и святости. Так, непомерно разросшееся толкование Десятословия превратилось под пером Прокоповича в подробный каталог различных людских грехов и их разновидностей. Например, описание грехов против 8 заповеди («Не укради») заняло в Катехизисе 6 листов (больше, чем толкование всего Символа веры!) и включало подробнейшую классификацию всевозможных видов обмана и мошенничества. Автор перечислил 15 видов хищений («тайных» и «явных») и 16 разновидностей обмана («хищения лестного»). Так, например, к тайным хищениям

относились: «татьба тайная обычная мошенников», «воров, окрадающих тайно казну государственную», «когда кто погубленную вещь нашед, утаит», «когда кто с пожара или с корабля, сокрушаемого вещи крадет» и т. д. Очень своеобразно автор истолковал и 5 заповедь («Чти отца и мать»). Он перечислил целую иерархию «отеческих чинов», которых полагалось чтить христианину как «доброму сыну», и «высочайшим и первейшим по Бозе отечеством» была власть Царская. Христианину следовало «любить и славить» Царей, «молитися Богу о здравии их», «повиноватися указом их со всяким усердием и тщанием без роптания», «дань давать доброхотно», «верно за честь и здравие поборствовать против неприятелей, бунтовщиков, изменников». Далее по нисходящей шли прочие «чины отечества»: 2. Управители, духовные пастыри, гражданские и воинские начальники. 3. Естественные родители. 4. Благодетели. 5. Учители. 6. Господие. 7. Лица, «летами гораздо старейшии», и прочие (Первое учение отроком 1721, 10 об.-15 об.).

При этом собственно богословская часть Катехизиса, вопросы, касающиеся веры, оказались у Прокоповича практически полностью опущены (если не считать сверхкраткого толкования Символа веры); православное учение о Св. Троице не раскрыто¹⁰. Богословский уровень катехизиса Феофана был катастрофически низок, и он сильно уступал даже уровню Букваря 1704 г. (не говоря уже о «Православном исповедании веры» Петра Могилы). Акцент в нем был сделан на ветхозаветные заповеди, определявшие прежде всего социальные нормы человеческого бытия, характер взаимоотношений человека с обществом, обязанности его как гражданина. Из учебника основ православной веры он по сути превратился в руководство к поведению человека в обществе. Однако именно такой тип катехизиса лучше всего отвечал запросам петровского времени, и потому «Первое учение отроком» получило самое широкое распространение в духовных школах. Синодским указом от 31 мая 1722 г. этот катехизис был введен во всеобщее употребление духовных лиц (Полное собрание законов, VI, № 4021, 691), выдержал на протяжении всего XVIII в. около 15 переизданий, все это время оставаясь главным учебным пособием по закону Божию. Указом Синода от 26 февраля 1723 г. даже предписывалось заменить чтение в церквях в Великий Пост поучений св. Ефрема Сирина и других учителей Церкви чтением

¹⁰ Нам не встретилось на страницах Катехизиса Феофана ни единого упоминания о Св. Троице.

новоизданных букварей, дабы «люди, слыша заповеди Божии и толкование их и осматрися в своей совести, лучше могли ко истинному покаянию себя приуготовить» (Полное собрание законов, VII, № 4172, 26).

В «Первом учении отроком» Феофан Прокопович, помимо многих других наставлений, неоднократно предостерегал отроков от греха лицемерного почитания святынь, от «обмана в притворении мощей будто святых, икон будто чудотворных, чтоб народ обольстить к подаванию» (Первое учение отроком 1721, 22 об.; выделено нами. – О.К.). Он писал: «Лгут на Бога онии проклятии лъстецы, которые иконам святым, или мощам, или месту некоему притворяют чудеса и откровения» (там же, 7-7об.). В этом он был полностью солидарен с Петром, который самое пристальное внимание уделял искоренению народных суеверий и предрассудков, связанных с «богопротивным» почитанием св. икон и мощей. Еще в 1715 г. Петр дал поручение составить добавочные пункты к архиерейской присяге, в которых, по его указу, была сформулирована широкая программа борьба с ханжеством, адресованная высшим иерархам Церкви. Архиереям вменялось в обязанность «запрещать, дабы расколов, суеверия и Богопротивного чествования не было, дабы неведомых и от Церкви несвидетельствованных гробов за святыню не почитали, притворных беснующих в колтунах, босых и в рубашках ходящих не точию наказывать, но и градскому суду отсылать и прочих под образом благочестия притворных и прелестных дел от духовного и мирского чина не принимали, дабы святых икон не боготворили и им ложных чудес не вымышляли, от чего противным способ дается поношению на православных...» (Полное собрание законов, V, № 2985, 194). С выходом в свет Духовного Регламента (1721), приобретшего характер законодательного документа, которым должна была руководствоваться вся русская Церковь, была объявлена непримиримая война всем видам суеверия и ханжества. Петр ставил перед русским обществом грандиозную задачу очищения и исправления народного сознания, зараженного, по его мнению, множеством суеверий и предрассудков. В Духовном Регламенте говорилось, что все, что можно назвать именем суеверия, «есть лишнее, ко спасению не потребное и на интерес только свой от лицемеров вымышленное» (Феофан Прокопович 2010, 269). К суеверию, в первую очередь, относились чудотворные иконы и св. мощи, которые повсеместно подвергались ревизии и объявлялись фальсификатом. По указу Петра был создан особый институт духовных фискалов, которые должны были доносить о всех случаях «суеверного»

почитания святынь духовенством. Замечательное свидетельство о глубочайшем отвращении Петра к лицемерию и религиозному ханжеству и преследовании им «мнимых святынь» оставил Феофан Прокопович в «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра великаго...», произнесенном им уже после кончины императора, в день его тезоименитства 29 июня 1725 г.: «Ведал он [Петр I. – О.К.] каковый вред происходит от лицемерия; лицемеры бо, святыню себе притворяюще, прямии суть безбожники, и точию чрево свое имеют в Бога, простой же народ ко своему скверноприбыточеству уловляюще, непрестанными вымыслами помрачают свет Евангельский, и люди от любви Божия и ближняго отводят, небо купно и земли, церкви и отечества злейшии враги, и от сея сладкия отравы, всякими образы подданных своих оберегати тщался: притворная чудеса, сновидения, беснования искоренял, лстецов, колтунами, железами, и рубищами, и лукавым смирением, и воздержанием к виду святости позлащающих себе, познавати учил, и ловити и истязовати приказывал, так треклятого сего фарисейства ненавидел, что противное тому простосердечие, аки бы всего прочаго лучшее [как и воистинну есть] в крайней любви содержал» (Феофан Прокопович 1761, 155-156). Сохранилось немало свидетельств того, как Петр самолично искоренял в своих подданных указанные пороки. Так, например, в декабре 1718 г. царю донесли о тайных молебнах у чудотворной иконы в доме тихвинского архимандрита Рувима, остановившегося в Петербурге. 7 декабря Петр подослал к нему гардемарина Данилу Каблукова с притворной просьбой отслужить молебен перед иконой, а на следующий день, во время службы, внезапно появился в доме Рувима, изъял икону, арестовал участников молебна и отправил их в Тайную канцелярию. Петр сам присутствовал на допросах, после чего архимандрит был отослан рядовым монахом в Александро-Невский монастырь. При этом царь приказал следить за тем, чтобы тот в монастыре «не пустосвятил и не ханжил» (Веретенников 1910, 113; Лавров 2000, 408). «Лицемерие» и «ханжество» - пороки не столько простого народа, сколько официальной Церкви - в петровскую эпоху явилось некоей универсальной категорией, универсальным злом, которое требовало первоочередного искоренения¹¹. Борьба с лицемерием и ханжеством стала для Петра новой «заповедью»,

11 Отметим попутно, что тема борьбы с ханжеством и суевериями являлась характерной чертой западной протестантской богословской литературы, в том числе большинства протестантских катехизисов.

так как лицемерие, по его мнению, содержало в себе грехи против всех заповедей Божиих. В Мемориях или памятных записках Петра содержалось немало размышлений на тему религиозного ханжества. Петр настойчиво призывал «написать книгу о ханжах, изъяснить блаженство (кротость Давидову и проч.), что не так, как они думают, и приплесть к требникам» (Чистович 1868, 124), «чтоб требники переправить и в них кратко положить, что есть путь спасения, яко 10 заповедей и три главные добродетели и прочее, и чтоб отцы духовные спрашивали прежде исповеди...: умеют ли они то и знают ли силу того? А не хуже, чтоб у каждого такая книжка была, и когда придет пост, чтоб повинен всякий пред отцом духовным, буде не наизусть, хотя по книге смотря, сказать онаго» (там же, 125). Петр так был воодушевлен этой идеей, что даже набросал краткую программу этой катехетической книги с обзором всех десяти заповедей и показал, что лицемерие является грехом против всех заповедей: «Сей же грех [лицемерия или ханжества. – О.К.] все вышеписанные [преступления против заповедей. – О.К.] в себе содержит». Свое рассуждение он построил в виде вопросов и ответов, как это было принято в катехизисах: «Вопрос. Како сей грех все грехи в себе содержит...? Ответ. Против первой [заповеди. – О.К.] – грех есть атеитство, который в ханжах есть фундаментом, ибо первое их дело – сказывать видения, повеления от Бога и чудеса, все вымышленные, которых не бывало; и когда сами оное вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они; какая ж вера в оных? А когда оной нет, то суть истинные атеисты» (Чистович 1868, 126). Разобрав все заповеди, Петр перечислял различные связанные с ними проявления ханжества и лицемерия: вымышленные видения, лживые чудеса, обман пастырями своей паствы, «образ святыни и агнца», который принимает разбойник и «заводчик бунта», подложные явления чудотворных икон, чтобы построить монастырь с целью обогащения... Он приходит к выводу, что «не всякой грех может ханжество употреблять при своем, а ханжа – все» (там же, 127). Очевидно, что понятие ханжества толкуется царем в самом широком смысле: это не только ложные чудеса, притворные видения, вера в силу чудотворных образов. Ханжество затрагивало, по его мнению, и более важные церковные институты – например, монашеское сословие. Царь резко выступил против народного представления о монашестве как пути, ведущем к спасению: «Ханжи толкуют розно, иные: ежели не покинешь мира, не будешь чернец, не спасешься» (там же, 128), «Вытолковать,

что всякому исполнение закона есть спасение, а не монашество» (там же, 125). Он порицал также «излишнее» строение церквей и монастырей: «Также, чтоб как архиереи, так по монастырям и прочим местам церквей не делали без указа из Синода, понеже сами известны, какое-то небрежение славе Божией в лишнних церквах и множестве попов» (там же, 127-128, прим. 2)¹². Монашеское сословие, принимающее, по мнению Петра, лишь наружный вид святости, представляло для него особую форму религиозного лицемерия и ханжества и потому наносило особенный «вред душам» христиан и прямую «убыль обществу» — ср.: «Нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов¹³, не мало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть <...>. Прилежат ли разумению божественного писания и учения? Всячески нет. А что говорят молятца, то и вси молятца... Что же прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям» (Верховской 1916, II, № 8, 147). Петр настойчиво стремился разъяснить народу порочность самой практики оставления мира. Он призывал Священный Синод бороться с «неправым мнением, которым наш народ весь заражен был о Христовом слове аще кто оставит отца или мать и прочее, на монашество приводимое» (Верховской 1916, II, 134) — имелась ввиду цитата из Евангелия от Матфея, издавна служившая обоснованием принятия монашества и ухода из мира: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19: 29). В петровском указе о монашестве 31 янв. 1724 г. самовольное оставление домов ради служения Богу было оценено как еретическое искажение евангельского учения. Народу, по мнению Петра, необходимо было разъяснять «правильное» толкование этого места, которое содержалось в Духовном Регламенте. В «Прибавлении о правилах притча церковного и чина монашеского» (1721) говорилось, что речь в Евангелии шла якобы не о самовольном, а о «вынужденном» оставлении домов в случае гонений на верующего со стороны родных и близких: «...Богопротивное дело есть оставлять своих так, будто Христа ради, не разумея силы слова Господня

12 Это высказывание Петра было затем дословно процитировано в Синодском указе от 31 окт. 1722 г. «О нестроении церквей без указа из Синода»: «Всякому здраворазсудному известно, какое то небрежение славе Божией в лишнних церквах и множестве попов» (Полное собрание законов, VI, № 4122, 791).

13 Т.е. поношение от иноверных.

(аще кто оставит отца или мать и прочая), понеже то изрече Господь наш о нужном, а не о самовольном оставлении. Сиестъ: аще бы кому невозможно было любить Христа в сожитии родителей или чад, мужа или жены, тогда оставить такое сожитие человек должен и предпочести любовь Божию, паче любви своих» (Феофан Прокопович 2010, 319). Очевидно, что именно трактовка Феофана являлась абсолютно неканонической (она была заимствована Феофаном из протестантского богословия), но она была предпочтительнее для тех, кто считал монашество «мнимой» святыней.

Книгу против «ханжей» Петр вновь поручил составить Феофану Прокоповичу. Она получила название «Христовы о блаженствах проповеди толкование», была написана Феофаном в полном соответствии с пожеланиями царя и издана в марте 1722 г. (Феофан Прокопович 1722)¹⁴. Книга явилась логическим продолжением «Краткого учения отроком»: если там евангельские заповеди блаженства толковались кратко, то здесь – полно и развернуто. Основным ее мотивом, как и хотел Петр, стало разоблачение народных суеверий и неправых, «ханжеских» мнений при толковании каждой из девяти евангельских заповедей блаженства. 13 июля 1722 г., в персидском походе, Петр читал готовый текст книги и сообщал в письме к Феофану: «Книгу о блаженствах всю чел, которая зело изрядна и прямой путь христианский; только надлежит предисловие сделать, в котором разныя толкования неправыя ханжевския все выяснить, дабы читающий перво свой порок узнал и потом пользу прямую и истинную. Також в конце силу всей книги зело короткою выпискою без толку <...> положить, дабы мог на память оное иметь <...> и, сочиня сие, напечатать до возвращения нашего» (Чистович 1868, 127). Благодаря этой книге каждый читающий, по мысли царя, мог лучше уразуметь, в чем состоит его собственный «грех» в отношении ханжества и суеверия.

Выводы

Подведем итоги. Отменив патриаршество и подчинив русскую Церковь своему непосредственному административному управлению, Петр осознал себя одновременно и духовной главой ее. Он выступил инициатором различных реформ в духовной сфере, попробовал себя в роли законодателя в вероучительной области, много внимания уделял вопросам духовного образования и просвещения народа.

¹⁴ Второе издание книги вышло в апреле, третье - в августе того же года.

Однако деятельность Петра вступила в противоречие с многовековой народной практикой и православными догматами. Близкое Петру лютеранское учение о единой спасающей вере влекло за собой отрицание значения богоугодных дел и личного подвига (молитва, пост, милостыня, строение церквей), а также внешних обрядов в деле спасения человека, приводило к дискредитации монашеского сословия, отрицанию православных святынь и чудес. Всеми этому Петр противопоставлял христианские добродетели веры, надежды, любви, индивидуальное соблюдение христианских заповедей.

В своем стремлении поразить ханжество и суеверие, типичном для протестантского сознания, Петр вторгся в каноническую территорию православной Церкви, поража церковные институты и каноны, ниспровергал обрядность и нормы церковной дисциплины... По существу, его программу можно определить как «отмену Церкви», которой Петр противопоставлял «истинный» путь спасения: индивидуальное сознание христианином своей греховности, личное покаяние, очищение от «суеверий», соблюдение христианских заповедей, вера в спасение исключительно через милосердие Христа и прощение им грехов – и все это при неукоснительном соблюдении социальных и гражданских обязанностей и верном служении Государю... Этот комплекс представлений был характерен для Петра в течение всей его сознательной жизни, и все годы царь стремился «переформатировать» религиозное сознание и поведение своих подданных в соответствии со своими личными убеждениями.

Наиболее проницательным и образованным представителям Церкви петровского времени был хорошо понятен глубинный смысл и цель проводившихся реформ. Лидер духовной оппозиции и последовательный критик синодальных реформ Маркелл Радышевский в 1730 г. в «Житии еретика Феофана Прокоповича...» свидетельствовал о падении идеалов христианского благочестия в петровскую эпоху: «И так тогда поносима и воничтожаема Святая Церковь со всеми догматами своими, и уставами, и преданиями была, что всякое благочестивое Христианское доброе дело единым словом, суеверием называемо было, и кто в них, в еретиках, был пущей пьяница, и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердного и благочестивого человека и на высочайшие чести духовные по их еретическому предстательству возводим был. Кто же хотя мало Постник, или воздержник и богомолной человек, тот у них зван был расколщиком, и лицемером, и ханжею, и безбожным, и весьма недобрим

человеком» (Крашенинникова 2017, 38). Несправедливые обвинения всей Церкви в суеверии и ханжестве Радышевский называл «напрасным наветом и пороком на всю церковь православную, аки бы уже весьма заблудившую и очистки великой, и исправления требующую, которую так было умыслил он [Феофан Прокопович. – О.К.] с товарищи своими... исправить, как исправили Калвин и Лютер греческую и римскую, яко же видно по таковым же и сим подобным всем действиям их, и начинаниям, и указам» (Верховской 1916, II, № 14, 131). Представители оппозиционного Синоду лагеря справедливо полагали, что кампания борьбы с «суевериями» была вызвана стремлением реформаторов пересмотреть православную догматику и каноны и перестроить русскую Церковь по протестантскому образцу.

Петру I не удалось осуществить коренную трансформацию народных религиозных представлений. Консервативная, традиционная церковная линия в России в итоге возобладала¹⁵. Пожалуй, из всех реформ, начатых Петром I, лишь реформа в духовной сфере завершилась практически полной неудачей: большинство допетровских норм церковной жизни было восстановлено уже в первые десятилетия после смерти царя-реформатора, и особенно – в годы правления императрицы Елизаветы Петровны.

Список источников

1. Агеева О.Г. (2022) От царского Государева двора к императорскому двору XVIII в.: эпоха Петра I. Петр Великий: исследования и открытия [From the Tsarist Sovereign's Court to the Imperial Court of the XVIII century: the era of Peter I. Peter the Great: Research and discoveries]. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 21-29.
2. Букварь языка славенска, сиречь начало учения детям [The primer of the Slavensk language, that is, the beginning of teaching to children] (1704). М: Печатный двор.
3. Булыгин И.А. (1972) Церковная реформа Петра I [The Church Reform of Peter I]. // Вопросы истории, № 5. С. 79-93.
4. Бушкович П. (2022) Благочестие Петра Великого. Петр Великий: исследования и открытия [Piety of Peter the Great. Peter the Great: Research and discoveries]. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 139-150.

¹⁵ Об отрицательных откликах в народе на петровскую «реформу благочестия» см.: Лавров 2000, 419-422.

5. Веретенников В.И. (1910). История тайной канцелярии петровского времени [The history of the Secret Chancellery of Peter the Great]. Харьков: Тип. «Печ. дело».
6. Верховской П.В. (1916). Учреждение духовной коллегии и Духовный Регламент: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. I-II [The Establishment of the Ecclesiastical Collegium and the Spiritual Regulations: On the question of the Relationship of the Church and the state in Russia. Research in the field of the history of Russian Church law. Vol. I-II]. Ростов на Дону: Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А.С. Суворина «Новое время».
7. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. [Reports of the French Consul in St. Petersburg Lavi and the Minister Plenipotentiary at the Russian court of Campredon from 1719 to 1722] (1884). Сборник РИО. Т. 40.
8. Заповеди Божия и церковныя и иная некая виновная спасению словеса [The commandments of God and the church and some other words guilty of salvation] (1702). М.: Печатный двор.
9. Иероним (Алякринский), архим. (1889). Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом [Ryazan memorabilia collected by Archimandrite Jerome]. Рязань: Ряз. учен. арх. комис.
10. Козлов О.Ф. (1968). Реформа церкви Петра I и отклики на нее в русском обществе в первой половине XVIII в [The reform of the Church of Peter I and the responses to it in Russian society in the first half of the XVIII century]. // Вестник Московского университета. Серия XII (история). № 5. С. 86-92.
11. Корзо М.А. (2007). Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI-XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований [Ukrainian and Belarusian catechetical tradition of the late XVI-XVIII centuries: formation, evolution and the problem of borrowings]. М.: «Канон+».
12. Корзо М.А. (2014). Синтез культурных и религиозных традиций в школьных катехизисах XVII-XVIII вв [Synthesis of cultural and religious traditions in school catechisms of the XVII-XVIII centuries]. // Философия и культура. 2014. № 1. С. 99-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10068
13. Крашенинникова О.А. (2015, 2016). Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости [Synodal reforms of Peter's time and the crisis of traditional ideas about holiness]. // Культурное наследие России. Ч. I: 2015, № 4(11). С 49-55; Ч. II: 2016, №1 (12). С. 50-56.

14. Крашенинникова О.А. (2017). «О житии еретика Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского»: проблемы текстологии и авторства [«On the life of the heretic Feofan Prokopovich, Archbishop of Novgorod»: problems of textual criticism and authorship]. // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. Ред. М.И. Щербакова. Вып.1. М.: ИПО «У Никитских ворот». С. 23-57.
15. Лавров А.С. (2000). Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. [Witchcraft and religion in Russia. 1700-1740]. М.: Древлехранилище.
16. Лютер М. (2016). Краткий Катехизис доктора Мартина Лютера [The Short Catechism of Dr. Martin Luther]. Пер. К. Комаров. СПб.: Фонд «Лютеранское Наследие».
17. Лютер М. (2016). Трактат о свободе христианина [A Treatise on the freedom of a Christian]. Пер. К. Комаров. СПб.: «Лютеранское наследие».
18. Очерки истории русской публицистики XVIII в. [Essays on the History of Russian Journalism of the XVIII century] (2017). М.: ИМЛИ РАН.
19. Первое учение отроком. В нем же буквы и слоги. Краткое толкование законного десятизакония, Молитвы Господни, Символа веры и девяти блаженств [The first teaching of the boy. It also has letters and syllables. A brief interpretation of the legitimate Decalogue, the Lord's Prayer, the Symbol of Faith and the Nine Beatitudes] (1721). СПб.: Александро-Невский монастырь.
20. Петр Могила, митр. (1696). Православное исповедание веры соборная и апостольская церковь восточная [Orthodox Confession of Faith of the Catholic and Apostolic Church of the East]. М.: Печатный двор.
21. Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. [The Complete collection of laws of the Russian Empire since 1647] (1830). Собрание I. СПб. Т. V, VI, VII.
22. Протопоп Лаврентий Зизаний (2021). Катехизис [Catechism]. СПб.: Издательский проект «Квадриум».
23. Стефан Яворский, митр. (1728). Камень веры [Stone of faith]. М.: Синод. тип.
24. Феофан Прокопович (1722). Христовы о блаженствах проповеди толкование [Christ's Beatitudes sermons interpretation]. СПб.: Тип. Александро-Невского монастыря.
25. Феофан Прокопович (1761; 1774). Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные [Words and speeches instructive, praiseworthy and congratulatory]. Ч. II; Ч. IV. СПб.: Сухопутн. Шляхетский кадетский корпус.

26. Феофан Прокопович (1784). Книжица, в ней же повесть о распри Павла и Варнавы с иудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобьносимом законном иге пространно предлагается [The little book, in which the story of the quarrel of Paul and Barnabas with the Judaizers and the difficulty of Peter the Apostle's words about the unbearable legal yoke is offered at length]. М.: Универ. типогр., у Н. Новикова.
27. Феофан Прокопович (2010). Избранные труды [Selected works]. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев И.В. Курукин. М.: РОССПЭН.
28. Чистович И.А (1868). Феофан Прокопович и его время [Feofan Prokovich and his time]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.

Информация об авторе

КРАШЕНИННИКОВА Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25а, 121069, Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>. E-mail: info@imli.ru

About the author

Olga A. KRASHENINNIKOVA, CandSc (Philol.), Senior Research Fellow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia str. 25a, 121069, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>. E-mail: info@imli.ru